

В диссертационный совет 24.2.271.02,
созданный на базе
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный
университет»

664003, г. Иркутск,
ул. Ленина, д.11.

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора юридических наук, профессора
Тарасова Александра Алексеевича на диссертационную работу
Лубягина Михаила Сергеевича на тему «Следственные группы в российском
уголовном судопроизводстве: теоретические основы, порядок
формирования и деятельности», представленную на соискание ученой
степени кандидата юридических наук по научной специальности

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Актуальность темы представляется несомненной и в достаточной степени аргументирована во введении к диссертации. В отношении «бригадного расследования» в уголовно-процессуальной науке прослеживается несколько парадоксальная тенденция. В период наиболее активного использования следственных групп на практике – 1980-е – 1990-е годы – в специальной литературе проблемы их деятельности активно обсуждаются и исследователями, и практическими работниками. Для этого периода характерна весьма скудная нормативно-правовая регламентация «расследования преступлений несколькими следователями» в единственной норме – в части 3 статьи 129 УПК РСФСР 1960 года, в целом посвященной «началу производства предварительного следствия». После появления долгожданной среди специалистов отдельной статьи 163 в действующем УПК РФ 2001 года с последующим распространением в 2010 году схожих правил и на «группу дознавателей» (также в отдельной статье 223.2) научный интерес к связанным с этим проблемам какое-то время как бы «по инерции» сохраняется, но затем постепенно угасает. В современной науке этот интерес, даже если его специально отслеживать, несравним с ситуацией 1980-х-1990-х годов. Между тем, как верно подчёркивается в настоящей диссертации, большинство процессуальных проблем «бригадного расследования» так и не были решены, а в современных условиях к ним добавились ещё и новые проблемы. Полагаю, в связи с этим, что диссертация М.С.Лубягина подготовлена своевременно, и она представляет как научный, так и практический интерес.

Информационная база выглядит весьма внушительно. В ней нашлось место специальной литературе, посвященной не только проблемам собственно следственных групп и даже не только проблемам предварительного следствия. Судя по выбору информационных источников,

предварительного следствия. Судя по выбору информационных источников, автор видит органичную связь между деятельностью следственных групп и прокурорским надзором, ведомственным контролем, судебным контролем в досудебном производстве, формированием и последующим поддержанием государственного обвинения в суде. Результаты самостоятельных эмпирических и социологических исследований нашли отражение в тексте работы, хорошо иллюстрируют написанное и включаются в систему авторской аргументации.

Научная новизна диссертации М.С.Лубягина в значительной степени определяется временем её подготовки к защите. Проблема следственных групп поднята на уровень монографического исследования впервые после двух глобальных законодательных перемен 2001 и 2007 годов. Появление самих терминов «следственная группа» и «руководитель следственной группы» в специальной статье уголовно-процессуального закона, ей посвященной, в совокупности с последующим реформированием предварительного следствия и существенным ограничением в ходе его производства полномочий прокурора с одновременным усилением процессуальной роли руководителя следственного органа – всё это давно нуждалось в системном анализе именно в контексте следственных групп. Неизбежные и вместе с тем встретившие в науке самую разную реакцию процессы цифровизации уголовного судопроизводства на примере следственных групп приобрели особую актуальность, поскольку с советских лет планирование и организация работы групп (бригад) следователей сопровождалась громоздкими, но абсолютно необходимыми бумажными документами, фиксирующими распределение участков работы между следователями и получаемые ими доказательственные результаты. Цифровые технологии, с одной стороны, позволили существенно упростить и автоматизировать техническую составляющую этой работы, а, с другой стороны, потребовали от следователей дополнительных интеллектуальных усилий по освоению этих технологических новшеств. Автор обоснованно уделяет проблемам цифрового обеспечения работы следственных групп особое внимание, поскольку в том или ином объеме и варианте это обеспечение присутствует во всей деятельности современной следственной группы.

К числу положений работы, заслуживающих наибольшего внимания юридической общественности, отношу следующее:

Авторское определение следственной группы, в котором систематизировано собственное видение диссертантом целей и оснований создания следственных групп, специфики уголовных дел, по которым целесообразно их создание, особенностей состава участников деятельности следственных групп. С этим определением можно спорить, но нельзя не оценить позитивно сам тот факт, что автор предпринял небезуспешную попытку сконцентрировать в единой формулировке признаки следственной группы как особого процессуально-организационного формирования,

которому соответствует столь же особая система процессуальных правоотношений. В УПК РСФСР 1960 года, в ч.3 ст.129 которого «поручение производства предварительного следствия нескольким следователям» регулировалось лишь как вариант начала производства предварительного следствия «в случае сложности дела или его большого объёма», особая процессуально-правовая природа следственных групп была явно недооценена.

Авторский анализ неоднородности процессуального статуса участников деятельности следственных, на которую содержится прямое указание в статье 163 УПК РФ. По поводу каждого из участников процесса, включаемых в состав следственной группы либо «привлекаемых к работе следственной группы» многие годы ведутся горячие дискуссии, и автор решился сформулировать по этому вопросу своё мнение. Нормальным видится сохранение дискуссионности и в отношении предложенных диссертантом вариантов решения связанных с этим теоретических проблем. Но независимо от согласия либо несогласия с ним, нельзя не одобрить самого авторского стремления стимулировать научную полемику по этим вопросам, привлекающим внимание исследователей, как минимум, последние 40 лет, но так и не получивших разрешения.

Научный и практический интерес представляет авторская конкретизация признаков следственных групп, среди которых выделены количественные и качественные. Последние, в свою очередь, поделены на «нормативный», властно-распорядительный, «целеполагающий» и «атрибутивный» (с.12, 57-58). Каждый из признаков достаточно детально рассмотрен, и диссертант умело показывает значимость каждого из этих признаков для характеристики следственной группы как процессуального (а не только организационного) феномена, и анализ этот присутствует в разных контекстах во всём содержании работы. Весьма уместно показана связь между созданием следственных групп и назначением уголовного судопроизводства, специфика отношений власти и подчинения в схеме «руководитель следственного органа – руководитель следственной группы – следователь, включенный в её состав», рассмотрены особенности уголовных дел, работа по которым объективно требует создания следственных групп (с.19, 42-43, 49, 56 и др.). Уместными представляются периодические обращения диссертанта к историческому анализу проблем деятельности следственных групп и освещения этих проблем в научной литературе разных лет издания.

Отдельного одобрения заслуживает внимание диссертанта к проблемам прокурорского надзора за предварительным следствием, производимым следственными группами. Очевидное ограничение полномочий прокурора в отношении органов предварительного следствия в 2007 году, а фактическое лишение его того комплекса властно-распорядительных полномочий, который ранее в литературе многими авторами не без оснований объединялся под общим названием

«процессуальное руководство расследованием», в контексте деятельности следственных групп приобрело особо заметное, если не сказать утрированное, значение. Так, например, если ранее межведомственная следственная группа, потребность в которой нередко возникала в связи с разнородностью преступлений, расследуемых в рамках единого уголовного дела (автор пишет о них как о реальной потребности и современной практики тоже с.85), создавалась постановлением прокурора, полномочия которого всегда имели надведомственный характер, то сейчас создание такой следственной группы требует согласованного процессуального решения руководителей разных следственных органов. Последнее представляется очевидно более громоздким и едва ли оправданным. Практика вносит свои коррективы во взаимоотношения следственных органов с прокурором вне связи с формальным ограничением его полномочий. Современные руководители следственных органов давно усвоили, что с прокурором, от которого зависит утверждение обвинительного заключения и направление дела в суд с последующим поддержанием государственного обвинения, целесообразно согласовывать наиболее важные процессуальные решения по любому уголовному делу и держать его в курсе собираемых доказательств уже на этапе их собирания. В деятельности следственных групп это особенно важно ввиду большого объёма следственной работы. Диссертантом высказано несколько смелых предложений по расширению полномочий прокурора в отношении следственных групп. Обоснованно предлагается закрепить за прокурором право их создания. Столь же полезным видится «закрепление» за следственной группой конкретных сотрудников прокуратуры для осуществления прокурорского надзора за её деятельностью с правом знакомиться с материалами дела без мотивированных ходатайств, участвовать в процедурах судебного контроля в отношении действий и решений следователей-участников следственной группы и т.п. Автор использует для обозначения всего комплекса надзорных полномочий такого сотрудника прокуратуры термин «надзорное сопровождение» (с.224), который достаточно точно отражает и содержание осуществляемой прокурором деятельности, и сложившуюся практику его взаимоотношений со следственными группами. Логичным в этом контексте видится и предложение возлагать на такого сотрудника прокуратуры поддержание в последующем государственного обвинения по делу, по которому работала данная следственная группа (с. 15, 213, 217). Более того, полагаем, что поручение поддержания государственного обвинения какому-то другому прокурорскому работнику, изучившему только материалы законченного следственного производства, чревато снижением качества доказательственной деятельности государственного обвинителя в суде.

Положения диссертационного исследования прошли достаточную **апробацию**. Отдельный бесспорный интерес представляют формы внедрения результатов проведенных исследований в следственную

практику в виде специально созданных программных продуктов, предназначенных для цифрового обеспечения деятельности следственных групп, которые могут быть использованы и при производстве предварительного следствия в других организационных формах.

Отдельные положения диссертации М.С.Лубягина **побуждают к спору и требуют авторских пояснений** на публичной защите.

1. В полной мере оценивая значимость авторской «конкретизации признаков следственной группы» с полезной их классификацией, считаем сомнительным уточнение «следственной группы как объекта уголовно-процессуальных правоотношений» (Положение №1, С.11). Это уточнение способно погрузить диссертанта в обременительные общетеоретические дискуссии об элементах уголовно-процессуальных правоотношений, для данного исследования явно лишние. Следственная группа – это, скорее, сами процессуальные правоотношения, особый их комплекс, а вовсе не их объект. Если у диссертанта имеется собственное видение этой общетеоретической проблемы, его уместно было бы продемонстрировать и обосновать на защите диссертации.

2. Ошибочным представляется настойчивое употребление в отношении следственной группы термина «коллегиальное производство предварительного следствия» (с.4, 8 и др.), в том числе и в названии параграфа 1.1. (с.19) с развёрнутым подчеркиванием этого признака в том числе и со ссылкой на докторскую диссертацию автора настоящего отзыва (с.20-21). В том то и состоят главные проблемы работы следственных групп, что единоличная по своей процессуальной природе следственная деятельность осуществляется в условиях вынужденного постоянного взаимодействия нескольких её субъектов, на чём всегда с 1980-х годов настаивал и настаивает по сей день официальный оппонент. Единственный пример «коллегиального предварительного следствия» в отечественной истории – это следственные комиссии при народных судах первых лет советской власти, которые просуществовали недолго и показали свою крайнюю неэффективность. Во-первых, члены коллегии должны быть равны по своему процессуальному статусу, а в следственной группе руководитель группы, принявший дело к производству и уполномоченный на единоличное принятие ключевых властных решений, принципиально не равен другим следователям. Во-вторых, коллегиальные решения принимаются голосованием, что в следственной группе столь же принципиально исключено. Полагаю, что на публичной защите от автора потребуются развёрнутые пояснения на этот счёт.

3. Сомнительными с точки зрения системного толкования уголовно-процессуального закона в одном из положений, выносимых на защиту, выглядят размышления диссертанта о возможности включения в состав следственной группы экспертов и специалистов (с.14, 78, 88). Ничего подобного в ст.163 УПК РФ не предусмотрено, и, думается, не случайно – все субъекты уголовно-процессуальных отношений внутри следственной

группы процессуально подчинены её руководителю, принявшему данное дело к своему производству. Эксперт, находящийся в таком положении, подлежит отводу в соответствии со ст.70 УПК РФ, поскольку экспертом, в уголовно-процессуальном смысле (ст.57 УПК РФ) является тот носитель специальных знаний, которому поручено производство уже назначенной экспертизы. Вероятно, диссертант имел в виду что-то другое, что явно нуждается в дополнительных пояснениях. В любом случае, как полагаю, необходимо не допустить путаницы между организационными формами взаимодействия разных субъектов уголовно-процессуальной деятельности и процессуальными формами такого взаимодействия. Кроме того, в профессиональном обиходе нередко «экспертом» называют обладателя должности с таким названием в экспертном учреждении, который может привлекаться к участию в уголовном деле в качестве специалиста. Такой же, то есть обиходный, подход в научном тексте по уголовно-процессуальной тематике выглядит как ошибка, ибо он не согласуется с требованиями уголовно-процессуального закона.

4. Не менее сомнительной по той же причине выглядит рекомендация включать в состав следственной группы прокурора (с.14, 202-203). В полной мере разделяя фундаментальный подход диссертанта, поддерживающего ту идею, что именно прокурор должен осуществлять процессуальное руководство расследованием, поскольку именно прокуратура впоследствии осуществляет поддержание государственного обвинения в суде, здесь вновь вынужден напомнить, что все должностные лица, включённые в состав следственной группы, автоматически попадают под процессуальное руководство следователя, принявшего данное уголовное дело к своему производству. Проводимая автором параллель с нашей советской историей здесь неуместна, поскольку советский прокурор имел право лично производить предварительное следствие, а потому и лично возглавлять следственные группы, принимая данное уголовное дело к своему производству. Столь же сомнительна и отсылка к подобному же законодательному и правоприменительному опыту Республики Беларусь (с.100), которая в этой части просто сохранила советский традиционный подход. Современная российская ситуация принципиально иная, и она едва ли может и едва ли должна быть изменена. Прокуратура – это орган надзора за законностью, даже если прокурор своими действиями обеспечивает законность действий поднадзорных ему следственных органов. Закрепить за следственной группой конкретного прокурорского работника для осуществления того, что диссертант называет «надзорным сопровождением», вовсе не то же самое, что включить прокурора в состав этой следственной группы.

5. Нельзя не обратить внимания на некоторые особенности сравнительно-правовых исследований, положенных в основу авторских рассуждений и выводов. Разговор о «следственных группах в США», конечно, касается частного вопроса о специализированных следственных

группах (с.222) и снабжён оговоркой о том, что их деятельность урегулирована не законом, а разного рода ведомственными актами. Однако в этих рассуждениях не получен должного отражения тот факт, что в англосаксонских государствах нет ни предварительного следствия в привычном для нас процессуальном понимании, ни следователей, действующих в рамках уголовно-процессуальных правоотношений. Досудебное производство в США – это аналог нашей оперативно-розыскной деятельности (диссертант на с.117 называет это «дознанием, производимым полицейскими органами»), осуществляемого полицейскими агентами и детективами под контролем службы государственного обвинения (сотрудников аппарата атторнея соответствующего Штата или Генерального атторнея США) – аналога российской прокуратуры. Аргументируемой диссертантом идеи предметной специализации следственных групп эта часть его размышлений сама по себе не девальвирует, однако сравнительно-правовую параллель с российскими следственными группами, осуществляющими исключительно процессуальную деятельность, делает сомнительной.

Высказанные замечания касаются традиционно спорных вопросов, полемика по которым, скорее всего, не завершится никогда. Они не ставят под сомнение возможность положительно оценить рецензируемую работу и сделать следующие итоговые **выводы**:

1. Представленная к защите диссертация Михаила Сергеевича Лубягина «Следственные группы в российском уголовном судопроизводстве: теоретические основы, порядок формирования и деятельности» соответствует критериям, установленным п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в действующей редакции)(далее по тексту – «Положение»).

2. Диссертация М.С.Лубягина является самостоятельной, оригинальной, законченной, творческой научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решен целый ряд задач, имеющих значение для развития теории и практики уголовного судопроизводства. Диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, что свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку (п.п. 9 и 10 Положения). В диссертации М.С.Лубягина отсутствуют некорректные заимствования (п. 14 Положения).

3. Результаты диссертационной работы М.С. Лубягина соответствуют следующим пунктам паспорта научной специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» (юридические науки): п.1. Уголовно-правовые науки (уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право, криминалистика, судебная экспертология, оперативно-розыскная деятельность): теория и методология, предмет, система, принципы, функции науки, история институтов, взаимодействие с

другими науками; п.5. Теория уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальное законодательство, закономерности и тенденции развития и совершенствования уголовного судопроизводства, содержание и формы реализации, уголовно-процессуальные институты и функции, стадии уголовного процесса, уголовно-процессуальные производства, его участники, уголовное преследование, обеспечение прав, свобод и законных интересов личности, доказательственное право, процессуальный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль.

4. Автореферат диссертации и 14 опубликованных научных трудов М.С.Лубягина в полной мере отражают основные положения диссертационного исследования. Среди них 7 статей опубликованы в изданиях, включенных в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» (п. 11, 13 Положения), в том числе – 3 статьи опубликованы в издании, входящем в международную базу данных Web of Science.

5. Автор диссертации – Михаил Сергеевич Лубягин – заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Официальный оппонент:

Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», доктор юридических наук, профессор

Александр Алексеевич Тарасов

2 мая 2024 г.

Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук (по специальности 12.00.09 Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность)

Ученое звание – профессор (ученое звание присвоено по кафедре уголовного процесса и криминалистики)

Место работы: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий»

Занимаемая должность: заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права

Адрес места работы: 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32

Тел.: 8 (347) 272-63-70; 8(927)9610463

E-mail: aatar@mail.ru

Подпись	Тарасова А.А.	
оверяю	«02» 05	2024 г.
и.начальника общего отдела УУНИТ		
Т.Р.		